

НИКОЛАЕВ Николай Ипполитович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории литературы Гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. Автор 70 публикаций, в т. ч. трех монографий

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ПОНЯТИЯ «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ»

В статье предлагаются новые подходы к определению понятия «литературный герой», пересматриваются привычные рамки термина, прослеживается историческая смена художественной парадигмы в русской литературе. В центре внимания находится проблема «активно-ответственного» поступка, который, по мнению автора, и раскрывает своеобразие места героя в художественном целом.

Ключевые слова: литературный герой, литературная эпоха, поступок.

Термин «литературный герой» относится к ряду традиционных литературоведческих понятий. И поэтому уточнение его смысловых границ чаще всего представляется избыточным. Термин, которым свободно оперируют даже школьники, не нуждается в уточнении. Однако в последнее время в профессиональной среде все более ощущается некоторая неудовлетворенность «размытостью» его смысловых границ, нечеткостью.

«Нечеткость» обнаруживает себя в терминологической синонимии таких понятий, как человек в литературе, образ человека, персонаж, образ персонажа, личность, индивидуальность, субъект, характер, герой, уже заострившей на себе внимание как проблемной ситуации в современной исследовательской литературе¹.

Постоянные оговорки и уточнения, вызванные этой «нечеткостью», проникают даже

в тексты энциклопедических статей, призванных отвечать требованию терминологической определенности. Во вступительной статье «Энциклопедии литературных героев» читаем: «Термин “герой” охватывает далеко не всех персонажей произведения. Он относится только к главным его лицам, центральным персонажам, которые занимают осевое положение в системе происходящих событий, верховенствуют в иерархии образов, выделяются полнотой и индивидуальной обособленностью характера. В этом смысле безусловным героем является Гамлет, тогда как Лаэрт – просто персонаж»².

Такое, скорее описательное, чем теоретически обоснованное определение понятия, очевидно, может быть справедливым лишь по отношению к конкретным произведениям (как это и сделано в данном случае) определенных жанров и далеко не для всех литературных

эпох. Во всяком случае, довольно расплывчато-му тезису об «осевом положении в системе происходящих событий» может быть предложено возражение в форме цитаты из статьи другого современного автора: «Второстепенные герои в реалистической литературе занимают такое же важное место, как и главные, определяя смысловое целое произведения»³.

Таким образом то, что для одного исследователя представляется характеристикой, определяющей качественные различия (герой / персонаж), для другого сохраняет значение скорее количественных параметров (главный герой / герой второстепенный). И если «литературный персонаж – это, в сущности, серия последовательных появлений одного лица в пределах данного текста»⁴, то Гамлет от Лаэрта отличается лишь частотой своего «появления».

Согласиться с этим невозможно. С этим категорически расходится наш эстетический опыт. А интуитивно ощущаемое «осевое положение» героя в литературном произведении должно быть качественно определено для того, чтобы уйти от дурного бесконечного варьирования понятия в зависимости от жанра, эпохи и конкретного художественного текста.

«Осевое положение в событии», безусловно, принадлежит человеческому поступку. В некотором смысле событие и есть поступок, во всяком случае, без учета поступка событие распадается на бессмысленное множество его составляющих, на «химические элементы», перестает быть органичным, внутренне связанным целым.

Герой литературного произведения – всегда совершающий поступок, «активно-ответственный поступок» в том самом смысле слова, которое вкладывает в него М.М. Бахтин⁵. Понимание «осевого положения» героя в произведении через совершаемый им поступок универсально с точки зрения литературных родов и жанров, литературных эпох. Квалификация понятия литературного героя как совершающего поступок («поступающего») абсолютно индифферентна к внешней по отношению к нему нравственной оценке (положительный / отрицательный),

а также к количественным параметрам его появления в тексте (главный / второстепенный).

Литературный герой – это совершающий «активно-ответственный поступок», независимо от того, как этот поступок оценивается автором, читателем, другими героями, независимо от количества окружающих его в произведении подобных ему «поступающих» героев и масштабов их поступков. В этом смысле позиция «не-героя» в художественном мире литературного произведения качественно характеризуется его причастностью к событию поступка не как его «центра исхождения» (М.М. Бахтин), а как условия, средства, объекта.

То, что литературный герой является «центром исхождения поступка» определяет вместе с тем его центральное положение в содержании художественного произведения с его познавательно-этической направленностью. По определению М.М. Бахтина, «непосредственно этично лишь самое событие поступка (поступка-мысли, поступка-дела, поступка-чувства, поступка-желания и пр.) в его живом свершении и изнутри самого поступающего сознания; именно это событие и завершается извне художественной формой...»⁶.

В свете такого понимания именно художественная литература объективно выдвинута на передний край общественных этических исканий, а литературный герой, взятый в его «активно-ответственном поступке» становится основным ядром познавательно-этического содержания художественного произведения. При этом следует оговорить, что этически значимым является не результат поступка, его осязаемый продукт – в художественном целом он может быть вовлечен в сферу авторской оценки поступка, – а сам процесс свершения, мотивы его исхождения, неслучайность его начала, нравственные истоки долженствования поступающего.

По существу ключевым моментом «непосредственной этичности события поступка» становится внутреннее переживание единственности места поступающего в бытии, план мира, в котором ориентируется поступок, то,

что М.М. Бахтин называет «архитектоникой мира поступка»⁷. «Только признание моей единственной причастности с моего единственного места дает действительный центр исхождения поступка и делает неслучайным начало, здесь существенно нужна инициатива поступка, моя активность становится существенной, долженствующей активностью»⁸.

Единственность места поступающего в мире не может быть сведена к конкретике его временных и пространственных параметров или, скажем, семейного, социального положения. Она всегда есть (актуальна) для поступающего, но в ней он потенциально заменим другим, а следовательно, из нее не может рождаться ощущение моей «единственной причастности бытию», в конечном счете, — поступка. То ощущение единственности места, которое актуализируется в поступке, имеет онтологическую глубину. Только из этой глубины приходит литературному герою ощущение своей невосполнимости в мире (единственном месте), порождающей его «долженствующую активность».

*Век расшатался — и скверней всего,
Что я рожден восстановить его⁹, —*

выстраивает шекспировский Гамлет план мира своего поступка и свою никем незаменимую позицию в нем.

Та онтологическая глубина, из которой исходит ощущение единственности моего места в «событии бытия», как правило, не осознается героем, а переживается в единстве своего поступка. Однако она может становиться и предметом его самоанализа (например, у Ф.М. Достоевского), переводится в понятийный ряд как бы у черты его живых ощущений и теоретически отстраненных суждений о самом себе. Например, в философской лирике Г.Р. Державина:

*Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных,
И цепь существ связал всех мной¹⁰.*

В контексте сказанного проблема литературного героя сводится к описанию особенностей архитектуры мира, в котором ориентиро-

ван и актуализирован его поступок. При этом принципиальное значение имеет художественное обоснование единственности места героя в мире его поступка.

Все это (и «особенности архитектуры мира», и «обоснование единственности места героя»), несомненно, определяет концептуальные характеристики героев различных национальных литератур. Хотя вместе с тем такой подход способен выявить и различные эпохальные черты героя одной, например русской, литературы. Принципиальной здесь представляется доминирующая стратегия обоснования единственности места героя в мире его поступка.

Открытие внутреннего мира человека в русской литературе петровской эпохи (начало XVIII века)¹¹ стало принципиальным (эпохальным) событием в истории русской художественной мысли, новым словом в обосновании единственности места героя. Человек, непосредственно переживающий уникальность, неповторимость своего внутреннего бытия, свидетельствовал о принципиальной смене художественной парадигмы в истории русской литературы. Обоснование единственности места героя в мире через раскрытие его внутреннего бытия сохраняет значение доминирующей художественной стратегии вплоть до 30-х годов XIX века (период, вбирающий в себя и эпоху русского сентиментализма, и эпоху русского романтизма).

В предшествующей этому времени средневековой русской литературе «единственностью места героя в мире его поступка» не предполагает непосредственное «художественное обоснование». Оно является здесь уже найденным, готовым (преднайденным) и поэтому не нуждающимся ни в каком обосновании. Средневековый русский литературный герой представляет¹² в мире (уполномочен в нем), и в этом смысле его позиция не находится им в его поступке, а предопределена ему извне. С него принципиально снята ответственность за определение своего единственного места в событии бытия. И в этом смысле архитектура мира поступка представлена

в средневековой русской литературе в усеченном виде. Акцент смещен в сторону результата, продукта поступка.

Все это вовсе не означает, что в действительном мире поступка русского средневекового человека ослабляется или полностью отсутствует момент этического напряжения поступающего, связанный с его ответственным определением своей позиции в событии бытия. Даже в условиях доминирующей концепции представительства в мире внутренняя мотивировка призванности поступающего, безусловно, должна быть, иначе он неизбежно вырождается в самозванца. То есть архитекtonика действительного поступка не может быть усеченной. И ее научное описание как таковой возможно. Однако будучи не представленной в полной мере в литературном произведении эпохи, она не может быть осмыслена методами литературоведческого анализа.

Очерченная нами с другой стороны временная граница, определенная первой третью XIX столетия, имеет в виду следующее обстоятельство. Именно за чертой этого периода в русской литературе происходят события фундаментальные с точки зрения интересующей нас проблемы литературного героя и мира его поступка. Мы имеем в виду прежде всего появление героя, обозначенного формулой «лишний человек». По точному определению А.А. Фаустова, «...формула лишний человек стала центральной в характерологическом словаре эпохи и <...> надолго завладела литературоведческим сознанием»¹³.

С точки зрения учитываемых нами принципиальных характеристик литературного героя как совершающего «активно-ответственный поступок», «лишний человек» — явление парадоксальное. Он являет собой утверждение невозможности поступка, неопределенности и неопределимости своего места в событии бытия: «...Лишний человек — это прежде всего

человек, лишенный на земле своего места»¹⁴.

Ощущение своей оторванности от мира, в котором единственно и возможен его поступок, характеризует героев весьма значительного пласта литературных произведений русского XIX века, даже тех, которые далеко не всегда по сложившейся в литературоведении традиции относятся к ряду «лишних людей». По оценке Д. Чижевского, «судорожные искания <...> своего места героями Достоевского являются выражением той бесконечной жажды <...> реализации в живом “где-то”, человека, утратившего свою онтологическую сущность»¹⁵.

На наш взгляд, все это является своеобразной реакцией русской литературы на глубокий кризис поступка, случившийся в России в эту эпоху. Кризис, образовавший «бездну между мотивом поступка и его продуктом»¹⁶. Литературный герой, переживающий «утрату своей онтологической сущности», стоит у черты этой бездны, не в силах соединить в себе и через себя разрозненные ею фрагменты привычной архитектоники мира поступка. При этом сам кризис, о котором мы говорим, протекает в действительной русской жизни и может быть описан и осмыслен языком соответствующего научного дискурса. Литературоведение здесь бессильно. В художественной же литературе он сказался в глубокой трансформации (усложнении) архитектоники мира поступка литературного героя, определившей во многом своеобразие произведений русской классической эпохи. На наш взгляд, это свидетельство еще одной исторической смены художественной парадигмы в русской литературе, чрезвычайно важном событии, сохраняющем свое принципиальное значение до сих пор.

Таким образом, предложенный здесь подход к проблеме литературного героя через призму его поступка, на наш взгляд, вносит новые оттенки не только в дефиниции понятия, но и в осмысление логики историко-литературного процесса.

Примечания

- ¹ Савельева В.В. Художественная антропология. Алматы, 1999.
- ² Стахорский С.В. Литературный герой и его историческая судьба // Энциклопедия литературных героев. М., 1999. С. 9.
- ³ Шкловский Е. Литературный герой // Литература. 1997. № 37. С. 14.
- ⁴ Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979. С. 89.
- ⁵ Бахтин М.М. К философии поступка // Человек в мире слова. М., 1995. С. 22–67.
- ⁶ Его же. Проблемы содержания, методологии и формы в словесном художественном творчестве // Вопр. литературы и эстетики. М., 1975. С. 37.
- ⁷ Его же. К философии поступка. С. 53.
- ⁸ Там же. С. 47.
- ⁹ Шекспир В. Гамлет / пер. М. Лозинского. М., 1983. С. 35.
- ¹⁰ Русская литература – век XVIII. Лирика. М., 1990. С. 301.
- ¹¹ Николаев Н.И. Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века. Архангельск, 1997. С. 19–68.
- ¹² Бахтин М.М. К философии поступка. С. 52
- ¹³ Фаустов А.А., Савинков С.В. Очерки характерологии русской литературы: Середина XIX века. Воронеж, 1998. С. 22.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Чижевский Д. К проблеме двойника // О Достоевском: Т. I. Прага, 1929. С. 32.
- ¹⁶ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 55.

Nikolaev Nikolay Ippolitovich

Severodvinsk Branch of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Humanitarian Institute

ON THE PROBLEM OF THE «LITERARY CHARACTER» NOTION

The article suggests new approaches to the definition of «literary character», revisits the usual scope of this term and traces the historical shift of the artistic paradigm in Russian literature. The focus of attention is on the problem of «active-responsible» action which, according to the author, reveals the specific place of a character in the work as a whole.

Key words: *literary character, literary age, action.*

Контактная информация:
e-mail: nickolay.nick2012@yandex.ru

Рецензент – Фесенко Э.Я., кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы, заместитель директора по научной работе Гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске